

КОЗЛОВ М. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КОЗЛОВ Михаил Михайлович, родился в 1894 в Петербурге. Учился в Морском корпусе, плавал кадетом на кораблях, вышел из корпуса, не окончив его. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1918 — проживал в Уфе, работал в окружном суде, в мае 1919 — служил писарем в Белой армии, с октября 1920 — в резерве Красной армии Приуральского военного округа. С июля 1921 — юрисконсульт Екатеринбургского исполкома, в 1924 — исключен из списка учета бывший белых офицеров. С 1925 — член Ленинградской коллегии защитников, с 1932 — юрисконсульт химического комбината.

В марте 1935 — выслан с женой, Анной Ивановной Козловой, в Челкар Актюбинской области на 5 лет, работал юрисконсультом.

В июне 1935 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<5 июня 1935>

«Председателю Российского общества Красного Креста
и Красного Полумесяца — т<оварищу> Пешковой

Высланного из г<орода> Ленинграда
(ул<ица> Моисеенко, 3, кв. 9)
Козлова Михаила Михайловича,
временно оставленного в г<ород>
Челкар, Актюбинской области,
Казахской Авт<ономной> ССР,
Козловой Анны Ивановны.

Жалоба

Согласно удостоверению УГБ УНКВД ЛО от 17 марта 1935 года за № 2107 мне с женой, Козловой Анной Ивановной, предписано было 22 марта с<его> г<ода> выбыть в гор<од> Иргиз, Актюбинской области, сроком на 5 лет, с запрещением в дальнейшем проживания в ряде городов и областей Советского Союза.

Несмотря на то, что поданные мною и женой моей заявления Уполномоченного НКВД по Ленобласти с просьбой о пересмотре дела не были еще рассмотрены ни в части отмены высылки полностью, ни в части хотя бы перемены места высылки, я с женой выбыл из Ленинграда в срок. Прибыв на станцию Челкар Оренбургской железной дороги 29-го марта с<его> г<ода>, мы были здесь дальнейшим следованием остановлены и 4-го апреля с<его> г<ода> постановлением Челкарского районного отделения НКВД нам было предписано оставаться в гор<оде> Челкар и подыскивать себе работу.

1) Постановление органов НКВД о высылке меня с женой из Ленинграда представляется мне неправильным по следующим основаниям.

Родился я в Ленинграде 16-го мая 1894 года от родителей нижеследующего происхождения. Дед мой был сыном помора-рыбака Архангельской губернии; взят неграмотным на военную службу во флот, где служил матросом, участвовал в войне 1812 года с Францией (при Наполеоне), участвовал в дальнейших войнах. После 45-летней военной службы во флоте дослужился до офицерского чина (при Николае Первом первый же офицерский чин давал звание "потомственного дворянства"). Выйдя в отставку в чине майора по адмиралтейству с пенсией 300 рублей в год, дед женился на крестьянке своей же деревни. От этого брака родился мой отец, Козлов Михаил Герасимович, который был определен моим дедом в Морское Штурманское Училище в г<ороде> Кронштадте

(впоследствии Морское Инженерное), т<ак> к<ак> в Морской Корпус в Ленинграде мой отец не мог поступить в то время, не будучи сыном "флотского" офицера. Окончив Штурманское Училище, мой отец целый ряд лет плавал на судах военного флота в качестве штурманского офицера, но дороги к большим чинам иметь не мог, т<ак> к<ак> не был сыном "флотского офицера" и не окончил Морской Корпус. Положение бывших штурманов-офицеров военного флота исчерпывающе освещено писателем Станюковичем в его "Морских рассказах". Выйдя в отставку с военной службы, отец мой, будучи по специальности штурманом-метеорологом, с 1869 года работал в качестве преподавателя школ торгового мореплавания Архангельской губернии, в частности, с 1875 до 1906 года состоял начальником и преподавателем Кемских Шкиперских Курсов торгового мореплавания и Кемской Метеорологической Станции Архангельской губернии, причем, за научные труды по метеорологии и съемке берегов Белого моря был избран в число членов Русского Географического Общества, выйдя в отставку в чине статского советника.

Служить же в старое время на казенной службе и не иметь чина было вообще невозможно.

Выйдя в 1906 году в отставку, ввиду болезни, возникшей вследствие тяжелых условий работы в полярной зоне, отец мой переехал в гор<од> Ленинград, где в то время учились его дети. Умер мой отец в 1916 году, проживая после отставки на пенсию.

Женат мой отец был на дочери мелкого чиновника Архангельской губернии. Братьев я никогда не имел, а обе мои сестры проживают в г<ороде> Полтаве, причем, одна из них служит учительницей, а другая состоит на иждивении мужа — учителя Советской Школы.

Мать моя, находившаяся при сестрах в Полтаве, умерла в 1927 году.

Я был отцом определен в Морской Корпус, но, окончив общеобразовательные классы, не перешел в гардемарины, т<ак> к<ак>, побывав в плавании кадетом, получил решительное отвращение к военноморской службе и отказался совершенно в дальнейшем от военной службы.

Выйдя из Корпуса вопреки воле отца, я держал дополнительный экзамен при бывшем Петербургском Учебном Округе экстерном и после этого был принят на юридический факультет Ленинградского Университета, который и окончил одним из первых, на круглое "весьма", хотя, будучи лишен помощи от отца за самовольный выход из Корпуса и отказ от службы во флоте, вынужден был учиться и одновременно зарабатывать себе средства на жизнь уроками, временными счетоводными работами и проч.

В империалистическую войну не служил в армии совершенно, т<ак> к<ак> пользовался отсрочкой по призыву, предоставлявшейся студентам последних курсов вузов до окончания учебного заведения. Сразу же по окончании Университета, весной 1918 года, мне пришлось выехать в г<ород> Уфу к моей больной параличом матери, которая проживала здесь у сестры после смерти моего отца в 1916 году.

Не имея возможности с разбитой параличом старухой-матерью возвратиться в Ленинград, как ввиду тяжелых условий езды по железным дорогам в 1918 году, так и ввиду образования фронта чехословацкого восстания, я, однако, отказался вступить в организующуюся на добровольческих началах "народную" белую армию, а с целью заработка поступил кандидатом на судебные должности при Уфимском Окружном Суде и служил при камере судебного следователя 3-го участка гор<ода> Уфы. Когда в мае 1919 года, лишь в силу насильственной мобилизации, произведенной в Уфе колчаковским правительством, я был мобилизован в

качестве рядового в белую армию и зачислен писарем в канцелярию военного следователя по хозяйственным делам 3-ей армии.

Всю службу в белой армии я провел рядовым, состоя в должности наполовину писаря, наполовину денщика при военном следователе по хозяйственным делам, который возил с собой всюду жену и детей. Между тем, как лицо с высшим образованием, при малейшей моей активности и сочувствии белому движению я имел бы полную возможность выдвинуться из положения рядовых.

В сентябре 1919 года был издан общий приказ Колчаковского командования об использовании рядовых, имеющих образование не ниже 4-х классов бывшего городского училища, причем, рядовые строевых частей направлялись в военные училища, рядовых же нестроевого состава решено было использовать в качестве чиновников военного времени (вроде подпрапорщиков).

В соответствии с этим приказом я был переименован в чиновника военного времени, но никакой должности не занял, т<ак> к<ак> еще до этого заболел малярией. После болезни я получил кратковременный отпуск, которым и воспользовался, чтобы вырваться из рядов белой армии, дело которой было мне чуждо с самого начала.

Перед занятием гор. Петропавловска Красной Армией я не эвакуировался, а добровольно остался в городе, где, ничего не скрывая, сразу же явился в распоряжение военно-учетных органов Красной Армии и, пройдя фильтрацию О<собого> О<отдела> Армии, Уфимской Губчека (по месту проживания и мобилизации при белых) и ВЧК, был зачислен в 1-й Московский Запасный Полк. В октябре 1920 года я был зачислен в резерв Приуральяского Военного Округа, с откомандированием на должность следователя-докладчика Екатеринбургского (ныне Свердловского) Революционного Трибунала.

В этой должности я проработал с января по июль 1921 года, когда большая часть губернии была охвачена огнем кулацких восстаний, возникших в связи с продразверсткой, и не только не проявил каких-либо колебаний, но своей работой в Трибунале заслужил полное доверие органов местной власти.

Исторически установлено, что в период гражданской войны белыми правительствами было мобилизовано в общей сложности огромное количество человек. Между тем, очень многие из насильственно вовлеченных в ряды белой армии последующей своей деятельностью доказали полностью, что служба в белых армиях была не их виной перед Рабоче-Крестьянской Властью, а лишь независимым от их воли несчастьем.

Последующая моя работа в должности юрисконсульта Исполкома, а затем члена Ленинградской Коллегии Защитников, где я нес весьма ответственную работу, будучи направляем неоднократно на работу в сельские местности по проводимым кампаниям, полностью доказала мою преданность Советской Власти, что и было учтено при проводимой в 1930 году чистке Коллегии Защитников, когда, несмотря на то, что я не скрывал своего прошлого, я был оставлен в рядах членов Коллегии. Последние три года я, не порывая связи с Коллегией Защитников по общественной работе, работал в должности юрисконсульта Окружного Химического Комбината в Ленинграде, крупного предприятия всесоюзного значения и оборонного характера в системе тяжелой промышленности.

На этой работе я был премирован с занесением в трудовой список благодарности Дирекции Комбината.

Учитывая, что моя служба в белой армии носила принудительный характер, что последующей работой в должности следователя Трибунала Свердловска (б<ывший> Екатеринбург) в тяжелый и опасный момент,

когда город был окружен кольцом восставших кулаков и последышей белогвардейщины, я проявил полную преданность Власти Советов и, учитывая последующую мою работу в советских органах на ответственных постах (юрисконсульт Полтавского Исполкома), по моему ходатайству перед органами ОГПУ я был исключен из особого учета бывших белых офицеров и чиновников еще в январе 1924 года, то есть за 3 с половиной года до снятия с особого учета белых офицеров и чиновников по амнистии 1927 года, в ознаменование 10-летия Власти Советов.

Принимая во внимание, что снятие меня с особого учета имело место в силу того, что я фактически ни одного момента службы в белой армии не занимал какой-либо командной или административной должности в белой армии, то есть не был активным врагом Власти Советов, я был зачислен в запас РККА, а не в тыловое ополчение, в котором находятся все бывшие белые, не пользующиеся избирательными правами.

2) Постановление о высылке является в высшей степени незаслуженным в отношении моей жены, Козловой Анны Ивановны.

Последняя по происхождению дочь рабочего ниточной мануфактуры (ныне ф<абри>ка им<ени> Халтурина) в Ленинграде, Никитина Ивана Никитовича, который умер от чахотки в 1907 г<оду>. Мать моей жены, Никитина Пелагея Трофимовна, имея на руках 2-х детей от первого брака, вторично вышла замуж за рабочего той же фабрики, Кудрявцева Лавра Васильевича, который умер в 1918 г<оду> в Ленинграде от сыпного тифа. Мать моей жены, оставшись с 5-ю малолетними детьми (3-ое от второго брака) через 1,5 месяца, в июле 1918 года, в припадке острого помешательства повесилась.

Все дети, ввиду полного отсутствия средств, были направлены в детский дом, т<ак> к<ак> ближайшей родни не оказалась никого. Жена моя вышла из детского дома в 1921 году, работала на сахарном производстве и затем поступила в домработницы к гр<ажда<ни>ну> Свисту Федору Васильевичу, проживающему в Ленинграде по улице Восстания, № 23.

Познакомился я с женой по ее делу с гр<ажда<нино>м> Свист, который не хотел добровольно платить ей алименты на ребенка, прижитого от него, дочь Маргариту Никитину, родившуюся осенью 1924 года. По ордеру Ленинградской Коллегии Защитников я вел дело моей будущей жены. В результате разбора дела в Нарсуде гр<ажда<ни>н> Свист был признан отцом ребенка, и жалобы на решение Нарсуда не подавал.

Познакомился я с женой в 1924 году, а в начале 1926 года женился, с тех пор проживал совместно, причем, с нами же проживала дочь моей жены и гр<ажда<ни>на> Свист, Маргарита Никитина, которой в настоящее время 10 лет.

Ничего и никогда общего с так называемыми бывшими людьми жена моя не имела, так как проживала исключительно среди своей родни на одной квартире — сестрой Татьяной, вышедшей из детского дома в 1925 году (впоследствии вышедшей замуж за рабочего завода "Кр<асный> Треугольник"), сестрой Марией, вышедшей из детского дома в 1927 году (ныне телефонистка), сестрой Антониной, вышедшей из детского дома в 1928 году (ныне работница ф<абри>ки Халтурина) и братом Павлом, вышедшим из детского дома в 1932 году (ныне бондарь ф<абри>ки Халтурина).

Уезжая в ссылку в отдаленный Иргиз, жена моя не смогла даже взять с собой родную свою дочь Маргариту, так как мы жили исключительно на мою зарплату 400 рублей в месяц и никаких сбережений не имели. Дочь моей жены уже три года болеет чешуйчатым лишаем и лечится кварцем и рентгеном. Лечения этого рода мы, естественно, не могли бы дать ребенку в Иргизе. Таким образом, дочь жены была оставлена без матери в

Ленинграде на коллективном содержании сестер и брата жены, людей очень нуждающихся.

Находясь в Иргизе с 29 марта с<его> г<ода>, мы проживаем последние 200 рублей, так как остальные деньги ушли на жел<езно>-дор<ожный> проезд (180 рублей), расходы в дороге, и 60 рублей было оставлено на первое время для ребенка, оставленного в Ленинграде.

В Иргизе (рабочий поселок при жел<езно>-дор<ожной> станции) ни я, ни жена никакой работы найти не можем, т<ак> к<ак> сюда выслано всего около 400 человек (с членами семей). Нашлась только работа для 10 человек по разборке кирпича сломанного дома, которая закончится на днях.

Все вышеизложенное может быть подтверждено документами, отобранными у меня при аресте 14 марта с<его> г<ода> и личным делом моим в Коллегии Защитников и на заводе. На основании этого просим Вас принять возможные меры к облегчению нашей участи:

1) в частности, оказать содействие к полной реабилитации жены моей, Козловой Анны Ивановны, которая не только никогда не принадлежала к классово чуждым элементам, но даже не знала моего прошлого, и оказать содействие к возвращению ее в Ленинград к дочери;

2) учитывая мою службу в органах Советской Власти, на которой я доказал преданность делу Советского строительства, и учитывая, что вся моя жизнь при Власти Советов прошла в чисто пролетарской среде, если будут найдено невозможным предоставить мне право проживания в Ленинграде, оказать мне содействие в разрешении проживать там, где я мог бы найти работу, но не погибать от голода.

Приложение: 4 простые копии документов.

11/IV-1935 года. Сообщить о результате просим по адресу — Ленинград, ул<ица> Моисеенко 3, кв. 9 Кудрявцевой Марии Лавровне.

М. Козлов.
А. Козлова»¹.

«Справка

Копия

Выдана сия гр-ну Козлову Михаилу Михайловичу в том, что он, состоявший на особом учете бывших белых офицеров и чиновников, в данное время с такового учета снят постановлением соответствующих властей.

За Н<ачальни>ка Мобилизационной части
Н<ачальни>к 3-его Отделения
Делопроизводитель
С п<одлинным> верно

(Лебедев)
(Лыткин)

М. Козлов».

«Удостоверение

Копия

Екатеринбургский Губревтрибунал удостоверяет, что за время работы в должности следователя-докладчика с января по июль с<его> г<ода> т. Козлов Михаил Михайлович к обязанностям относился добросовестно и ни в чем предосудительно замечен не был.

30 июля 1921 года

Пр<едсидате>ль Трибунала
Член Трибунала
Зав. канцелярией
С п<одлинным> верно

(Быков)
(Винокуров)
(Сапоров)
М. Козлов».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1326. С. 23-26. Автограф.

«Справка

Копия

Дана т<оварищу> Козлову М. М. в том, что он с 12 сент<ября> 1924 г<ода> по 1 июня 1932 г<ода> состоял членом Коллегии Защитников. С 1-го июня 1932 г<ода>, ввиду перехода на должность юрисконсульта, от производственной работы члена Коллегии Защитников освобожден с оставлением на учете Колл<егии> для выполнения бесплатной общественно-массовой работы, которую и нес до 19 марта 1935 года, с какого числа отчислен, ввиду отъезда из Ленинграда по предложению НКВД.

Пр<едседате>ль ЛОКЗ
Управделами
С п<одлинным> верно

(Алексеев)
(Кожковская)
М. Козлов»².

«Выписка

Копия

из трудового списка Козлова М. М.

II. 1932 г<ода> V.31. Окр<ужной> Хим<ический> Комбинат — юрисконсульт — основание — личная карточка.

1933 г<ода> IV 29. Объявлена благодарность, премирован полумесячным окладом за умелое руководство и проявленную энергию. Основание — приказ № 141.

12. 1935 III. 19 Уволен ввиду отъезда из Ленинграда — основание — личная карточка.

С п<одлинным> верно

М. Козлов»³.

19 ноября 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь⁴.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1326. С. 25. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1326. С. 26. Автограф.

⁴ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 4-е, 2007.